

УТВЕРЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Михаил
Царев

Он сидит на приземистой палубной тумбе, широко расставши ноги, положив ладони на колени. На нем матросский бушлат, командрская фуражка. Брюки заправлены в сапоги. На черном витом шнурочке болтается пенсне... Имена у этого человека нет. Все называют его коротко: Вожак...

Внешний облик Вожака —

его своеобразная визитная карточка. Он не кадровый моряк. На флот послал его в дни революции партия анархистов.

Постепенно обнаруживается для окружающих политическая и нравственная изнанка Вожака, а через него и всего анархизма в целом. Безудержный, жестокий авантюризм, изуверство, предательство интересов народа. В последнюю его минуту все это обернется трустью. Изобличенный, понимая, что его ждет пыла, Вожак теряет выдержку и выкрикивая: «Да здравствует революция!», захлебывается в истерике...

А вот еще человек. Бывший товарищ по каторге называет его Антоном. Сам же он называет себя Питиримом. Остальные зовут его Стариком. Смиренный внешний облик, понюханный запах, прикрывающий согбенные плечи, лапти, полу-монашеская шапка на седой голове. Мы встречаем Старика, битья

когда он, воровато оглядываясь, входит во двор школы, возведенной тем самым человеком, с которым он двадцать лет назад был на каторге. А затем видим, как, войдя к тому уже в дом и почувствовав его страх перед возможным возмездием за побег, Старик уверенно, по-хозяйски садится в кресло...

И, наконец, возникает еще одна фигура. Потомственный дипломат Илья Репин в спектакле «Признание» по роману С. Даннгурова «Дипломаты». Человек, пытающийся остановить движение времени, колесо истории. Революция нарушила, сломала привычный для него уклад жизни, и он весь пронизан чувством вражды и злобы по отношению к людям, создающим новый мир.

Впрочем, Репин слишком стар для того, чтобы бороться с силами революции открыто и активно. Но с кем пойдет его младший брат Николай? С революцией или с теми, кто хотел бы ее задушить?

Бот Николай вернулся от Ленина. Он еще не дал своего согласия работать с большевиками. Но Илья уже угадывает, как развернутся события, и, встав за спиной кресла, в котором сидит брат, лающим голосом выкрикивает, что большевики обведут Николая, как нитку вокруг пальца, что он проладит за тридцать сребренников...

Плен сословной кастовости лишает этого человека разума. И наступит час, когда, выйдя из своей комнаты, хватаясь обеими руками за кресла и колонны, Илья, как слепой, насткнется на дверь, ведущую в соседнюю комнату. С трудом распахнув ее, пошатываясь, добежит до следующей двери. Снова упрется в нее и снова распахнет, и вновь побежит дальше. А потом упрется уже не в дверь, а в стену. Начнет стучать по ней кулаками, битья

головой и, мертвый, упадет на пол...

Три характера. Три судьбы. Три человеческих портрета, созданных в последние годы одним и тем же художником — выдающимся мастером сцены, народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий Михаилом Ивановичем Царевым на подмостках Малого театра, которому он отдал уже более трех десятилетий...

Мы сидим с Михаилом Ивановичем у него дома, в комнате — одновременно и столовой, и гостиной. Ничего лишнего. Все подобрано со вкусом, продуманно, строго...

Весь облик Царева говорит о его необычайной внутренней собранности и целеустремленности. Ему уже далеко за шестьдесят, но вся его фигура, высокая, ладно скроенная дышит силой, одухотворенностью. Последнее, пожалуй, подчеркивается и сединой, сильно поизморозившей волосы, и льдистой прозрачностью больших голубых глаз...

Взгляд Михаила Ивановича внимателен и вдумчив.

— Так, вы спрашиваете, с чего все началось? С гимназии в Ревеле, нынешнем Таллине, где я учился перед самой революцией. Именно там, в гимназии, впервые обнаружилась у меня любовь к слову. За чтение некрасовских стихотворений — «Размышления у пародного подъезда» и «Однажды в студеную зимнюю пору» дважды получил пять с плюсом, единственные сверхточные отметки за всю гимназическую жизнь. А затем любовь к слову соединилась с тягой к театру. Стал принимать участие в гимназических спектаклях. И не только в гимназических спектаклях. Школу окончил после революции в девятнадцатом году, но уже не в Ревеле, а в Царском Селе, куда переехал

ла вся семья. В том же году поступил на драматические курсы при бывшем Александринском театре в Петрограде. Читал на вступительных экзаменах монолог Городничего из пятого акта «Ревизора», басни Крылова «Гуси», стихотворение Алексея Толстого «Князь Михаил Репин». О ролях героев в ту пору и не думал. Но играл затем почти всю жизнь именно эти роли — и в Большом драматическом, и в Василеостровском театрах, и в Пушкинском в Ленинграде, и в Москве у Корша, и в провинции — в Саратове, Симферополе...

К характерным ролям типа Вожака или Старика обращалась лишь в последние годы...

Невольно вспомнилось мне во время рассказа Михаила Ивановича то удивление и даже недоумение, которые вызвало несколько лет назад известие о том, что в готовившейся тогда к постановке «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского роль Вожака будет играть Царев. Актер героико-романтического плана, которого зрителя привыкли видеть Чапкин в «Горе от ума», Уриэлем Акостой в одноименной трагедии К. Гучкова, Арбениным в «Маскараде», и вдруг Вожак — средоточие илицетворение грубой и тупой физической силы. Это казалось пародоксальным...

Образ, созданный Царевым, — это нерв спектакля, и именно он, этот образ, в значительной степени определяет и подлинные масштабы трагедии, и современность проблем, заключенных в ней. Страшная сила Вожака в его фанатической убежденности в своем праве властвовать над массами. Вот одна характерная деталь, свидетельствующая о направлении поисков артиста. В ходе репетиций Царев отказался от алиниловского, типично народовольского парика, от бороды и усов, делавших Вожака излишне театральным, и заменил

все это клоком волос, падающих на лоб и чуть выбивающихся из-под фуражки. И дело здесь не в напрашивающейся ассоциации, не в исторической параллели, а в верном ощущении того направления, в котором движется Вожак, тех социальных чувств, которые он несет.

В горьковском «Старике» М. Царев сначала сыграл не Старика, а его бывшего товарища по каторге — Мастакова, и только несколько месяцев спустя вышел на сцену в роли Старика. И главным для актера оказалось в образе его философская сторона — осуждение самой идеи страдания, права одних истязать и мучить других...

О чем, однако, говорят все эти образы — Вожак, Старик и Илья Репин? О возвращении актера к тем характерным ролям, с которыми сам он связывал в юности свою творческую судьбу? О том, что точнее своих будущих наставников — прославленных мастеров сцены — угадывал он тогда свое истинное спектакльное призвание? Возможно, и об этом. Но прежде всего о высокой степени зрелости художника. И не только о зрелости его таланта и мастерства (кстати, именно за исполнение ролей Вожака и Старика Царев был удостоен в позапрошлом году звания лауреата Государственной премии СССР), но и о зрелости идеейной, политической. Об умении и способности видеть и передавать связи между явлениями, давно ставшими историей, и явлениями нашего нынешнего дня. О четкой классовой, партийной точке зрения на жизнь и искусство.

Как о чем-то много раз передуманном говорит Михаил Иванович, глядя мне в глаза:

— Неоднократно слышал я и читал о том, что Чапкин у меня звучал иногда, пожалуй, слишком комсомолисто. Слишком приближенно к нашей современности. Вот и думало, не потому ли это происходило, что главное в нем — любовь к людям? А ведь в этом — самая суть советского человека. А в воинствующем отрицании мертвой силы старого, препятствующего развитию нового, живого, — суть нашего времени...

Не раз приходилось мне выезжать вместе с Михаилом Ивановичем в разные города нашей Родины. И всегда я обращал внимание на то, как, встречаясь с самыми разными людьми, он не ограничивается только узко театральными де-

лами и заботами. Нет, он стремится вникать во все стороны жизни. Это естественная, органическая потребность человека, живущего всеми интересами, всеми заботами своего времени, своего общества. Именно они, эти впечатления, и позволяют сегодня артисту не только талантливо играть свои роли, но и нацеленно насыщать из острой, боевой, политической мыслью, всегда сообщать им сильный заряд современности.

В самом хорошем смысле слова Михаил Иванович Царев — истинный непосредственник. Сегодня он в Уфе участвует в открытии Дома актера. Завтра в Париже отстаивает как президент советского Национального центра Международного института театра идеальные и эстетические позиции нашего искусства. А послезавтра его ждут в Праге, где гастролирует Малый театр...

Почти через всю творческую жизнь актера прошел образ Чапкина. Царев играл эту роль в ленинградском Василеостровском театре в первой половине двадцатых годов. В тридцатые годы в Москве в театре имени Вс. Мейерхольда. И, наконец, на протяжении многих лет в Малом театре.

Как о чем-то много раз передуманном говорит Михаил Иванович, глядя мне в глаза:

— Неоднократно слышал я и читал о том, что Чапкин у меня звучал иногда, пожалуй, слишком комсомолисто. Слишком приближенно к нашей современности. Вот и думало, не потому ли это происходило, что главное в нем — любовь к людям? А ведь в этом — самая суть советского человека. А в воинствующем отрицании мертвой силы старого, препятствующего развитию нового, живого, — суть нашего времени...

Ярко звучит его гражданский темперамент.

ДАВНО я знаю Михаила Ивановича Царева, нередко с ним встречаюсь и замечу при каждой встрече: разный он, неповторим, всегда полон новых замыслов. Энергия, обширные знания, обаяние личности так и бьют из него ключом. На любую тему беседовать с ним — одно удовольствие. Льется, меняя интонации, его неповторимый голос, обволакивает, вызывает здравые образы.

Михаил Иванович не только крупный художник, он и активный общественный деятель. Он директор Малого театра, возглавляет Всероссийское театральное общество. Он человек кипучего политического темперамента.

После Нового года мне вновь довелось встретиться с Михаилом Ивановичем в ВТО.

— Время-то какое великое идет! — говорил Царев радостно, щуря свои выразительные глаза, людям, окружившим его после заседания президиума. — Вот и съезд партии скоро. Так хочется тряхнуть стариной — сыграть Человека ленинского склада, такого, знаете, самобытного, с крупным характером. Может быть, дерзкого, ершистого такого, задиристого, неукротимого, может быть, ошищающего в чем-то, но правдивого, цельного, коммуниста, в общем, нашего современника...

И он, образ этот, встает передо мной как бы уже ожившим на сцене. Я с искренним восхищением смотрю на Михаила Ивановича, сожалея, что и сотой доли его жизни и творчества не смогу передать в своем коротком газетном очерк.

Юрий ЗУБКОВ.